Ребенок от мажора

Автор:
Мария Манич

Ребенок от мажора

Мария Манич

Мы были одноклассниками, на выпускном не отлипали друг от друга, а рассвет встретили в одной постели. Через два месяца, когда все ждали списки поступивших в университет, я ждала, чтобы на тесте исчезла вторая полоска. Она не исчезла. Зато Никита исчез. На два года я забыла об учебе, но теперь вернулась и учусь в группе в которой все девчонки сходят с ума по старшекурснику Никите Волкову – капитану футбольной команды, королю вечеринок и отцу моей дочери.

Мария Манич

Ребенок от мажора

1.Глава

– Ба, как у вас дела? Как Алиска? – спрашиваю, оглядываясь по сторонам в поисках нужного кабинета, и от досады хочу завыть. Это не университет, а какие-то катакомбы!

– Встали сегодня в шесть, кашу съела, сейчас в манеже играет, – отчитывается бабуля бодрым голосом. – Дед уже ушёл на работу. Тебя когда ждать?

– Сегодня по расписанию три пары, – вздыхаю, переворачивая руку, и смотрю на время на фитнес-браслете.

Опоздала всего на пятнадцать минут, а в коридорах уже ни одной живой души, чтобы спросить в какую сторону двигаться. Я жутко устала на работе, у меня гудят ноги, и от недосыпа раскалывается голова. Последнее, чего мне хочется – это заблудиться и не попасть на пару, ради которой я сюда притащилась. Могла бы быть сейчас дома и тискать свою сладкую сонную булочку, а потом завалиться вместе с ней на обеденный сон.

– Алиска, вынь изо рта! Тьфу! – кричит бабуля, а я слышу заливистый смех дочери: опять хулиганит. – До инфаркта прабабку доведешь!

– Мне приехать? – Нервно д?ргаю лямку рюкзака, отчего он сваливается к моим ногам.

Что бы я ни делала в данный момент, как бы ни была занята, каждый день испытываю огромное чувство вины за то, что оставляю дочь с её прабабушкой. Бабуля ещё довольно энергична и хорошо себя чувствует для своих шестидесяти трех лет, но справляться с полуторагодовалым ребёнком один на один весь день проблематично даже мне, а мне всего двадцать.

– Вот ещё! Всё у нас нормально! Учись давай!

Бабушка бросает трубку, не прощаясь. Смотрю на экран телефона, на котором изображено улыбающееся в оба имеющихся зуба личико дочери, и чувствую острое чувство досады.

Я должна быть рядом с ней и не пропускать ничего, связанного с ней: ни одного важного открытия, ни одного момента нового дня. Вместо этого, сразу после работы, последние несколько дней я отправляюсь в универ.

Бабушка настояла на том, чтобы я вернулась к учёбе. Я и сама понимаю, что мне это нужно. Не всегда же я буду работать официанткой в ночном клубе? Надеюсь, что не всегда.

Выдыхаю и набираю сообщение единственной одногруппнице, с которой успела подружиться и обменяться номерами телефонов за первые три учебных дня.

“Катя, я не могу найти нужную аудиторию!!!”

Ответ приходит через пару секунд:

“Я тоже!”

Просто отлично.

Если староста группы заблудилась, а она обычно всё всегда знает, что говорить обо мне. Зеваю, прикрыв рот ладонью, и устало тру глаза. Ночные смены всегда даются мне тяжелее всего. Особенно сейчас, когда наступила учеба.

Два с половиной года назад я забеременела от своего бывшего одноклассника, и моя жизнь кардинально изменилась. Школьный выпускной был волшебным, ночь после него тоже. Я была влюблена и счастлива. Самый популярный парень в параллели обратил на меня внимание в середине одиннадцатого класса. Мне казалось, что у нас впереди вся жизнь и мы будем вместе всегда. Первая любовь – лживая сука.

В итоге при первых возникших трудностях Никита исчез, а розовые очки, через которые я смотрела в будущее, разбились. Ребёнка я оставила, лишившись при этом поддержки родителей и своих немногочисленных друзей.

Я мечтала и грезила об университете два последних года и не думала, что когда-нибудь смогу вернуться в родные стены и продолжить обучение, но этим летом всё сложилось. Сдала нужные предметы, договорилась с последующим трудоустройством, через бабушкиных знакомых и поступила на бесплатное место. Это стало решающим фактором. Бабушка, моя святая женщина, взяла на себя заботу об Алиске, дедушка меня поддержал. Что подумают другие, меня не волнует.

Провожу ладонью по шершавой поверхности стены, отделанной серой декоративной штукатуркой. Этот корпус совсем новый, пахнет краской и кое-где по углам ещё валяется строительный мусор. Видимо, не всё успели доделать и

убрать к началу учебного года. Именно поэтому на дверях отсутствуют таблички с аудиториями, что усложняет поиск нужной.

Вздохнув и подняв с пола свой сиреневый рюкзак, отталкиваюсь от стены и, медленно переставляя ноги, иду по коридору, прислушиваясь к тому, что происходит за закрытыми дверями. Я сейчас на третьем этаже из четырёх возможных. Интуиция подсказывает, что моя группа и преподаватель находятся где-то здесь.

Из-за ближайшего поворота выходит мужчина средних лет с зажатым под мышкой кожаным портфелем. Останавливается и прищуривается, завидев меня.

– Прогуливаем? – спрашивает строго.

– Нет, – отвечаю, испуганно озираясь по сторонам, и дергаю за ручку ближайшую дверь. – Опаздываю.

Дверь оказывается не заперта. Забегаю внутрь в надежде, что дотошный препод пройдёт мимо и я дальше продолжу свои, похоже, бессмысленные поиски одногруппников.

Но этот мужчина протискивается в дверь следом за мной и, подпирая мой рюкзак своим пузом, указывает на свободное место в аудитории, предлагая мне его занять.

Блииин.

Мысленно стону и, вяло улыбнувшись, разворачиваюсь к затихшей аудитории.

Одного взгляда мне хватает, чтобы выяснить – я точно попала не туда. Во-первых, у меня возможно и плохая память на лица, эти люди точно не мои одногруппники, а во-вторых, они все выглядят на пару лет старше, чем те, с кем я теперь учусь вот уже три дня.

– Ууу, у нас новенькая? А мы не в курсе? Гляньте, пацаны, вам как? – раздаётся громкий шёпот.

Опускаю голову ниже и плюхаюсь на свободное место, для видимости достаю из рюкзака блок для записей и ручку. Под столом набираю сообщение Кате, а преподаватель тем временем начинает знакомство с группой. Надо же было так попасть!

– Доброе утро. Извините за опоздание и давайте потише. Сразу перейд?м к делу. Журналы с отметками присутствующих жду на столе к концу пары, а сейчас хочу поприветствовать вас на курсе «Отраслевая экономика». Здесь мы с вами познакомимся с …

Да, точно – это не моя пара, потому что по расписанию у нас стоит «Основы макро- и микроэкономики» для первого курса! Отраслевую изучают на третьем или на четвёртом, я это запомнила, когда готовилась к поступлению и смотрела учебный план на ближайшие пять лет.

Незаметно сбежать уже не получится. Просто встать и выйти? А если этот – заглядываю в свои записи – Сергей Михайлович будет вести пары у меня в будущем? Растерянно оглядываюсь, блуждая взглядом по незнакомым лицам.

Спотыкаюсь за компанию парней, сидящих на последних рядах, и не успеваю отвести взгляда, как один из них нагло подмигивает, отчего мне сразу хочется закатить глаза и отвернуться. Я таких, как он, знаю. Каждый день вижу их на работе и, к сожалению, мой бывший тоже был таким. Наглым и самоуверенным. Мажором.

Богатенькие мальчики богатеньких родителей, уверенные в том, что им всё дозволено и весь мир лежит у их ног. Этот парень с нервным тиком правого глаза не исключение. От него разит деньгами и превосходством даже через три стола от меня. Не прерывая зрительного контакта, он качается на стуле и вертит в руках телефон, напрочь игнорируя преподавателя, который уже начал надиктовывать лекцию. Я тоже его игнорирую, но лишь потому, что это не моя пара и я здесь оказалась совершенно случайно.

– Новенькая? – кивает мне парень, улыбаясь во все свои отбеленные тридцать два.

Не понимаю, почему я всё ещё смотрю на него.

– Старенькая, – отбиваю и собираюсь уже отвернуться, но мой взгляд притягивает его сосед.

Внутренности скручивает узлом, и всему виной не дешевый кофе, который я выпила полчаса назад на заправке, а волнистые каштановые волосы, смуглая кожа, тембр голоса, который долетает до меня вместе с монотонным бормотанием преподавателя. Парень общается с друзьями, барабаня длинными пальцами по столу. Смеется какой-то шутке, а я не могу отвести от него глаз, молясь, чтобы он просто мне померещился. Его лица я не вижу, он сидит полубоком, но вся его манера поведения кажется мне знакомой. Слишком знакомой. Мои глаза округляются, а из губ вырывается тихое:

– Чёрт.

Этого не может быть. Он уехал из города два года назад и прекрасно, судя по инстаграму, проводит время на другом конце земного шара. В Америке.

– Ник, ты, кажется, впечатлил нашу новенькую Белоснежку, – раздаётся громкий смех, который возвращает меня из оцепенения.

Успеваю отвернуться до того, как Никита Волков увидит моё лицо.

2.Глава

Все оставшиеся до перерыва тридцать минут у меня жжёт затылок, и дёргается правый глаз. Нервно грызу кончик ручки, иногда записывая совсем не нужную мне лекцию. Когда он успел вернуться? Судя по всему, давно, а я как-то пропустила этот факт и при поступлении выбрала именно этот университет. В городе есть ещё три и, если бы я знала, что Никита Волков будет учиться в одном из них, обошла бы его стороной. За километр! А может, и за два! Потому что я его ненавижу. Да, вот так вот категорично. Он трус и до мозга костей сын своих гнилых родителей. Остается надеяться, что нашей дочери достанется больше моих мозгов, чем его. Гены распределяются пятьдесят на пятьдесят, но, может, есть шанс… хоть крошечный?

– Куда спешишь, Белоснежка? – слышу за спиной голос друга Волкова.

Он теперь от меня не отстанет?

Наспех хватаю свои вещи и выбегаю в коридор спустя пару секунд после звонка на перемену. Оглядываюсь по сторонам. Так, куда мне там?

– Эй!

Мне стоит убраться от этой группы как можно дальше.

Пульс зашкаливает, в висках болезненно пульсирует.

– Романова! – другой голос.

Знакомый, до мурашек. И ненавистный, до горечи разочарования…

Перебираю ногами быстрее, стараясь никого не сшибить и ни в кого не врезаться. Меня больно толкают в плечо, и я отскакиваю к стенке. Потираю ушибленное место и поднимаю свалившийся на пол рюкзак.

Коридор полон вывалившихся с пар студентов, они плотным нестройным потоком медленно бредут к лестничным прол?там. Мне нужно туда же. Где у нас находится следующая пара, я, слава богу, в курсе! Плутать по коридорам сегодня больше не придётся, а на будущее лучше найти где-нибудь карту университета и подписать все нужные аудитории. Да, это отличная идея!

– Полина!

Да чтоб тебя!

Заворачиваю за угол и быстро сбегаю по лестнице. Только оказавшись в холле первого этажа, перевожу дух и, трусливо спрятавшись за колонну, убираю с губ прилипшие волосы.

Сердце грохочет так, что чувствую его в районе горла, а в самом горле сухо как в пустыне.

Если Волкову хватит наглости требовать встреч с Алиской, я ему откажу. Я ведь имею право? Хотя с чего ему проявлять интерес к дочери, которую он никогда даже в глаза не видел? Он просто исчез из моей жизни. Из наших жизней. Не отвечал на звонки и сообщения. Я даже домой к нему ходила.

Морщусь как от удара. Не хочу вспоминать то время… Встречу с его матерью, а потом и с отцом. Совсем не хочу.

– Вот ты где!

Вздрагиваю и медленно оборачиваюсь на тихий голос, но это всего лишь Катя. Моя новая знакомая и староста группы, в которой я теперь учусь. Она прижимает к груди журнал посещаемости и смущенно улыбается.

– Я тебя напугала? Ты чего тут? Прячешься? От кого?

– Нет, – вру, а сама поглядываю украдкой по сторонам, знакомого лица не вижу и медленно выдыхаю, вешая на губы ответную улыбку. – В столовую хотела зайти.

– Идём, я бы тоже чего-нибудь съела.

– Ты поставила мне пропуск на прошлом занятии? – уточняю, закидывая на спину рюкзак.

Он жутко неудобный и тяжелый. Я так спешила на пару, что забыла выложить и оставить в машине свою рабочую форму. Теперь таскаю её с собой. До машины обратно идти прилично. Около университета уже не было свободных парковочных мест. Надеюсь, мою старушку не утащит эвакуатор.

– Пары не было. Мне из деканата позвонили минут через двадцать после начала. Преподаватель заболела. Я тебе писала.

– Да? – Ощупываю карманы джинсов в поисках телефона и хлопаю себя по лбу.

Потеряла, идиотка!

Надеюсь, он остался в той проклятой аудитории, а не выпал где-то по пути моего кросса в коридоре. Или выпал… когда меня чуть не сбил с ног тот бритоголовый бугай.

– Я, кажется, телефон потеряла, – произношу сипло и останавливаюсь.

– Дать позвонить? – участливо спрашивает Катя, доставая из своей коричневой сумки телефон последней модели.

Хмурю брови, окидывая Катю оценивающим взглядом. С виду обычная скромная девочка, без надутых губ и брендовых вещей. Она этим мне и понравилась, что мы вроде как в одной социальной лодке. Но мой телефон со мной уже четыре года. Прошёл полёт в стену и замену экрана. Был утоплен дочерью в миске с супом и спасён премудростью из интернета: засовыванием его в стакан с сухим рисом.

– Папа подарил на день рождения, до сих пор к нему не привыкну, – бормочет Катя, заправляя волосы за уши, словно чувствует себя виноватой за такую дорогую вещь.

– Ааа, – тяну понимающе.

И да, у меня предвзятое отношение к людям, которые обладают властью и достатком. Можно сказать, я совсем не толерантна. Один раз обожглась, да так сильно, что теперь на сердце рубец, который никак не может зажить. Потому что я каждый день смотрю в личико своей дочери и ощущаю горечь предательства любимых людей. Деньги, особенно если они достались тебе легко, кружат голову и заставляют забыть о многом. Например: о чувствах, о долге, о семье, о собственном ребёнке.

Отвернувшись от Кати, делаю дозвон на свой номер. Гудки идут, а я нервно кусаю губу. Чувствую металлический привкус на языке и прекращаю истязать собственный рот. Новый телефон никак не входит в мои финансовые планы. Алиске нужен новый комбинезон на осень, ботиночки, и я хотела отвести её к массажисту. У неё немного кривит при ходьбе левая нога, и врач в поликлинике посоветовал толкового специалиста.

Длинные гудки вызова неожиданно прекращаются, и я слышу какую-то возню.

– Алло?

– Полина?

Руку начинает покалывать, и я растерянно сглатываю. Отодвигаю телефон и смотрю на экран – это точно мой номер? Миллион раз я представляла наш первый разговор. А сейчас растерялась и не могу вымолвить ни слова. Могу лишь хватать ртом воздух, просто услышав знакомый голос.

***

– Ты знаком с ней, что ли? – второй голос возвращает меня назад в реальность.

В реальность, где Никиты не было рядом два года, и где я давно перестала его любить, как и мечтать о том, что он вернется в нашу с Алисой жизнь.

Ведь я могла простить его тогда, на первых месяцах беременности, когда мне так хотелось тепла и поддержки близких людей. Или, когда отпустил токсикоз и ночью хотелось съесть сосисок, поджаренных на сковородке, вприкуску с солёным огурцом. Или, когда начали отекать ноги и пальцы рук. Или, когда у меня отошли воды и скорая не могла доехать до нас целых сорок минут, а машины тогда ещё не было…

Я мечтала, чтобы в любой из этих моментов в дверях появился Волков, и я простила бы его, и бросилась к нему, несмотря ни на что. Потому что была слабая и одинокая. Потому что мне хотелось любви и тепла.

– Отвали, Михан, – куда-то в сторону говорит Ник, а потом возвращается ко мне. – Полина? Ты здесь?

Сердце грохочет в груди так, словно вот-вот пробь?т грудную клетку и вывалится на светлый кафельный пол университетского холла. Голос Волкова весёлый и расслабленный, будто мы расстались с ним добрыми друзьями и поддерживали связь на протяжении прошедших двух лет.

– Что у тебя делает мой телефон? – наконец обретаю способность говорить.

Глаза Кати, стоящей рядом, округляются. Возможно, я сказала это несколько резче, чем планировала.

– Нашёл его после лекции. Если бы ты убегала от меня чуть медленнее, то получила бы его почти сразу. Так значит, мы теперь опять вместе учимся? – насмешливо спрашивает Никита. – Можем опять сесть за одну парту, как в старые добрые…

Это прикол такой? Он попал в аварию, и у него временная амнезия? Или свалился за борт своей яхты, на которой позировал для фото в инстаграме прошлым летом? У Алиски как раз впервые температура поднялась на фоне прививки… и мне опять хотелось, чтобы рядом кто-то был.

Сейчас всё иначе. Мне некогда смотреть фотографии чужих людей в социальных сетях. Подготовка к поступлению и работа занимали всё моё время. Я даже не помню, когда последний раз видела Виту, свою лучшую подругу. Может быть, поэтому и не в курсе, что Волков опять в городе?

– Так тебе нужен твой мобильный, или ты дальше продолжаешь убегать и делать вид, что мы незнакомы? – продолжает Никита, пока я молчу.

Я была бы не против, но, похоже, делать вид, что мы раньше не встречались, уже не получится.

Прикрываю глаза и цежу сквозь сжатые зубы:

– Встретимся в столовой в центральном корпусе через пять минут!

Сбрасываю вызов и смотрю на Катю.

– Ну что там? – интересуется она.

– Сходишь со мной в столовую? Мне там отдаст телефон старшекурсник.

– Конечно.

На подрагивающих от злости и нервов ногах добираюсь вместе с Катей до места встречи.

В голове совсем нет мыслей, кроме одной. Зачем я поставила фотографию Алиски на заставку в телефоне? Не могла какие-нибудь цветы прилепить? Или море?

Я не хочу, чтобы Никита был в нашей жизни, потому что он от нас отказался. Исчез. Сбежал. Ни звонка, ни тупой эсэмэски с вопросом “Как дела?” за полтора года жизни ребёнка! Он казался мне не таким… неужели тогда, в школе, я была так слепо в него влюблена, что не видела, насколько он гнилой? Такой же, как его папаша, морда которого красуется на каждом втором плакате в городе, зазывая голосовать на выборах именно за него.

– Ты чего такая напряж?нная? – спрашивает Катя, хватая меня за руку.

Опускаю глаза и замечаю, что сжала её несчастный телефон до побелевших костяшек. Данное средство связи ни в чём не виновато. Вяло улыбаюсь, отдаю его законной владелице и, пригладив волосы нервным движением, захожу в шумную столовую.

– Всё нормально. Неожиданная встреча со старым знакомым…

Я вижу его сразу. Он, как всегда, в центре внимания. Стайка симпатичных девушек в коротких юбках и обтягивающих джинсах вь?тся рядом. Несколько парней, у которых на лбу написано, насколько они высокого о себе мнения, взрываются хохотом на очередную реплику Никиты. Он лениво улыбается и медленно поворачивается в мою сторону.

Кудрявые волосы, ставшие намного длиннее с нашей последней встречи, падают на лоб каштановыми прядями, словно он пол-утра потратил на свою укладку у зеркала. Каре-зел?ные глаза встречаются с моими, и полные губы расплываются в приветливой улыбке. Никита отделяется от компании своих друзей, в которой я сразу узнаю балагура, успевшего ко мне прицепиться на прошлой паре, и идёт в мою сторону.

– Я булочку куплю, – говорит Катя и протискивается мимо меня к прилавку.

А я вросла ногами в пол и не могу сдвинуться с места. Внутри зарождается непонятное волнение.

Ладони вспотели, губы пересохли. Я совсем не знаю, чего ожидать от этой встречи. Выглядит он подозрительно довольным и весёлым. Останавливается на расстоянии вытянутой руки и протягивает мне мой мобильный.

Вот так просто?

Не мешкая ни секунды, забираю его.

– Спасибо, – говорю, засовывая телефон в передний карман рюкзака.

– Обращайся, – кивает Ник.

Хмурюсь и собираюсь сейчас же уйти, но почему-то медлю. Бросаю на него взгляд и не могу отвести глаз. Не потому, что он красивый, я это и так знала. Все девчонки в классе мечтали пойти с ним на выпускной. Многие ходили на стадион посмотреть футбол лишь потому, что в команде играл Никита. Даже сейчас я чувствую, как наша парочка привлекает слишком много лишних глаз. Смотрят, конечно, в основном на Волкова. А потому, что у нашей дочери, точно такие же глаза. Генетика сыграла со мной злую шутку. Я рожала малышку пятнадцать часов, а от меня ей достались только жиденькие светлые волосики.

Никита вдруг перестает улыбаться так, будто он выиграл свой самый важный футбольный матч. Сводит свои тёмные брови и медленно проводит языком по губам, рассматривая меня в ответ.

– Блин, ты вообще не изменилась, Кнопка, – неожиданно произносит Волков и, сделав шаг вперед, сгребает меня своими ручищами в медвежьи объятия.

Он застаёт меня врасплох. Меньше всего на свете я собиралась с ним обниматься или как-то ещё физически контактировать. Надо было просто уйти.

От неожиданности пошатываюсь, утыкаясь носом ему в плечо, и зажмуриваюсь, потому что в ноздри пробирается его запах. И нет бы он не мылся или не менял неделями одежду, и я вынуждена была бы скривиться и подавить рвотные позывы, но пахнет он потрясающе… Очень знакомо, так, что от водоворота воспоминаний кружится голова и болезненно сжимается сердце.

– Отпусти меня, – сиплю, пытаясь выбраться из его рук.

Хватка не слабеет.

Он прижимает меня к своему подтянутому, спортивному телу на глазах у толпы студентов и преподавателей в центральной столовой университета. Никого не стесняясь и не считаясь с моим мнением. Всегда был таким.

– Отпусти…

Никита шумно втягивает воздух рядом с моими волосами и опускает руки, проведя напоследок ладонями по моим голым предплечьям. Покрываюсь мурашками и отступаю на шаг, а затем ещё на один, увеличивая расстояние, между нами. У меня тахикардия и пересохло в горле. Очень похоже на начало панической атаки, и всему виной Волков, которому, кажется, всё нипоч?м. По крайней мере, выглядит невозмутимым и расслабленным.

– Не удержался, извини, – виновато улыбается Ник, потирая затылок. – Я считал, что ты переехала в другой город и учишься там.

– Почему? – вылетает из меня быстрее, чем я успеваю обдумать его слова.

Другой город? Что это значит?

– Познакомимся поближе, Белоснежка? – Рядом возникает уже знакомый мне друг Волкова.

– Что-то не хочется… – бормочу себе под нос и, схватив рюкзак, который опять успела уронить, ищу глазами Катю. – Мне пора…

– Увидимся на паре, – кивает мне Никита и, развернув своего надоедливого друга за плечи, уходит.

Ни на какой паре мы не увидимся, потому что мне пришлось заново поступать на первый курс и досдавать предметы, которые раньше не требовалось. Правила поступления изменились, пока я полтора года меняла подгузники дочери и пыталась не уснуть стоя.

Катя сидит через пару столов от Волкова и его компании. Купив себе чай и что-то, отдаленно напоминающее пиццу, я подсаживаюсь к ней.

– Я думала, ты приезжая, как и я, – улыбается староста, отхлебывая чай. – А у тебя здесь уже знакомые есть. Кто этот парень?

– Бывший одноклассник, – отвечаю рассеянно.

Ловлю удивленно-любопытный взгляд Кати на своём лице.

– И учишься на первом курсе?

– Не смогла сразу поступить, – говорю уклончиво, не собираюсь распространяться о своей жизни первой встречной. – Решила пропустить пару лет и потом попробовать ещё.

– И родители не были против?

Пожимаю плечами. Из родителей у меня только мама, и ей давно нет дела до меня и моих проблем. С тех самых пор, как она снова вышла замуж, мы отдалились друг от друга. Ситуация с моей ранней беременностью, и не желанием избавляться от ребенка, поставила точку в наших и так прохладных отношениях.

– Мои мне никогда бы такого не разрешили, – тихо говорит Катя и, надкусив булочку, посыпанную сахарной пудрой, поднимает руку. – Надя, иди к нам!

Ещё одна наша одногруппница. Полненькая кудрявая брюнетка пытается протиснуться между тесно стоящих столов.

– Привет, Полинка. Ты позже приехала? Не видела тебя на паре, – говорит она, дружелюбно улыбаясь, демонстрируя ямочки на пухлых нарумяненных щеках.

– Опоздала, – отвечаю и принимаюсь за свой завтрак-обед.

После смены мне удалось поспать два часа на диванчике в кабинете директора клуба, где я работаю официанткой. Смысла тащиться домой через весь город уже не было. В университет нужно было приехать к первой паре, которой в итоге так и не было. Я проспала. На завтрак времени не оставалось, но пришлось заскочить на заправку. Мою серебристую старушку “ладу”, в отличие от меня, было необходимо накормить.

Я почти успеваю забыть о Волкове, слушая беспечную болтовню одногруппниц и ковыряясь в собственных мыслях о дочери, как взрыв хохота за соседним столом опять привлекает всеобщее внимание.

– Потише, молодые люди, – ворчит женщина, у которой ранее я купила свою резиновую пиццу.

Вот уже несколько минут безуспешно пытаюсь прожевать её кусочек.

– Конечно, Наталия Владимировна, как скажете, – подмигивает ей Волков.

Он ловит мой взгляд и тепло улыбается, удерживая его. Мне нужно отвернуться и наконец проглотить эту дурацкую пиццу или избавиться от неё каким-нибудь ещё способом, а я как дурочка смотрю на него в ответ. Смотрим до тех пор, пока на его колени не приземляется темноволосая длинноногая девица. ?рзает на них, устраиваясь удобнее, и обнимает шею Никиты, подставляя ему для поцелуя свои пухлые губы.

Мои же кривятся в гримасе отвращения. Волков остался верен себе. Популярность, деньги, красивая девушка на коленях. Жив и здоров. Вопрос с амнезией пока остаётся открытым, иначе я не могу объяснить его поведение, но в остальном я вижу, что он в полном порядке.

– Явилась… – бормочет Надя и, покрывшись красными пятнами, утыкается в свою тарелку.

– Кто? – не понимает Катя, вертя головой по сторонам.

– Сестра моя старшая.

На телефон приходит новое сообщение от бабули, и я не слушаю дальнейший разговор одногруппниц. На фото Алиска в коляске с баранкой в руке. В розовой футболке с блестящими мишками и серых лосинах. На ногах у неё белые сандалии. Видимо, мои дамы собрались на утреннюю прогулку, на улице ещё достаточно тепло, но взять с собой тонкую шапочку и джинсовку не помешает. Решаю напомнить об этом бабушке и резко поднимаюсь из-за стола. Забрав свой поднос, иду в сторону выхода, собираясь позвонить ей где-нибудь в более тихом месте.

Не знаю, что заставляет меня обернуться в дверях. Может быть, то, что Никита, чуть повернув голову, смотрит прямо на меня, игнорируя свою идеальную, как с картинки, девушку.

3.Глава

Плутая дворами, иду в сторону парковки, на которой оставила свою “старушку”. По факту машина дедушкина, у меня своего ничего нет. Лишь Алиска полностью моя от розовых пяточек до жидких светлых волос. Мы купили машину полгода назад, когда я успешно сдала на права. В моих планах на жизнь права стояли где-то очень далеко, и я не думала, что когда-то сама буду ездить за рулём. Но постоянно мотаться на работу из посёлка, в котором мы сейчас живем, утомляло. Двадцать километров от города, пока дождешься рейсового автобуса в это непопулярное направление, можно успеть состариться, а зимой ещё и превратиться в ледышку. Детская поликлиника Алисы тоже находится в черте города, поэтому было решено взять кредит и приобрести старую, видавшую виды “десятку”.

На ходу достаю телефон и набираю Виту, свою лучшую подругу ещё со школы. Мы не виделись уже очень давно, ограничиваясь лишь короткими переписками в социальных сетях и мессенджерах. Когда рожаешь ребенка в восемнадцать, а все твои подружки привыкли к другому образу жизни, нет ничего удивительного

в том, что вы отдаляетесь. Постепенно общих тем для разговоров становится всё меньше. Она только поступила в самый престижный вуз в городе, а я училась менять подгузники и правильно держать новорожденного. До Алиски я вообще таких маленьких детей на руки не брала.

– Вау! – раздаётся вместо приветствия с той стороны трубки. – Я уже забыла, как ты выглядишь, Романова!

Смеюсь, отпирая дверь машины и забираясь внутрь. Пахнет хвоей и остатками утреннего кофе. Беру стаканчик, в котором болтается недопитая коричневая жижа, и выбираюсь обратно на улицу в поисках урны.

– Привет, Виталик.

Вообще, подруга ненавидит, когда я её так называю. Она гордо носит красивое длинное имя Виталина и обладает незаурядной внешностью ему под стать. Красивая и высокая, с модельными параметрами и таким же модельным лицом. Которое она за последний год немного усовершенствовала, подколов в тонкие от природы губы какую-то штуку, название которой тут же вылетело из моей головы. Зато в памяти навсегда засела её фотография с новыми губами через пару часов после процедуры.

– Я так соскучилась, Поля! У меня столько новостей, – тараторит Вита. – Давай увидимся или сходим куда?

Раз много новостей, почему не позвонила первая? Ругаю себя за такие мысли и добродушно отвечаю:

– Мне завтра ко второй паре, можем позавтракать в городе. Или приезжай к нам. На Алису посмотришь.

Виталина не только моя лучшая подруга, но ещё и крестная мама моей дочери. Правда, при этом она Алису последний раз видела около девяти месяцев назад.

Витка молчит пару секунд, а потом быстро говорит:

– Лучше в центре. У меня мерс сейчас на техосмотре, отдадут только послезавтра. А такси к вам туда ждать слишком долго.

– Ладно, – хмурю брови, смотря на то, как какой-то дебил на чёрном “кайене” блокирует мне выезд, раскорячившись на весь небольшой дворовый проезд, в котором я припарковала машину. – Позвоню тебе завтра, у меня тоже есть пара новостей.

– У Алисы вырос новый зуб или она научилась разговаривать на понятном человечеству языке? – смеётся подруга.

Мне совсем не смешно. Скорее, досадно, что один из самых близких мне людей, позволяет себе такие шутки. Уже не знаю, стоит ли ей рассказывать о Волкове. Неприятный червячок сомнения жрёт моё подсознание. А может, она вообще знала о том, что он вернулся? Просто не сказала?

Что за глупости? Нет. Вита никогда бы так не поступила. Она знала, как я была влюблена в Ника и как тяжело переживала его исчезновение. Мы вместе ходили в клинику, куда я, гонимая страхом, пришла делать аборт, и откуда ушла с первой фотографией Алисы, на которой она всего лишь точка размером с фасолину.

– До завтра, – говорю поспешно.

Из черного “кайена” вывалился уже знакомый мне друг Волкова и, по всей видимости, он никуда не спешит. Привалился к сверкающему боку своей тачки и поглядывает в мою сторону с явным интересом.

Глубоко вздохнув и отбросив волосы за спину, иду к своей машине.

– Какие люди… Сбежавшая с пар Белоснежка. Ну и где твои семь гномов? – улыбается парень, крутя на пальцах брелок с ключами.

Мои брови ползут вверх.

– Хочешь стать одним из гномов? – усмехаюсь и киваю на свою машину. – Ты перегородил мне проезд.

– Неа, гномом не хочу, – продолжает скалить зубы парень. – Я тяну на прекрасного принца. Спасу тебя из лап дракона, и ты в благодарность отдашь мне свою девственность.

Кажется, от моего громкого хохота с близлежащих деревьев взлетают птицы. Это ж надо иметь такое самомнение. Мне даже становится интересно. Приваливаюсь бедром к двери “кайена” и, сложив руки на груди, спрашиваю:

– У тебя что, десятый разряд по подкатам?

– Да я книгу по ним написал, – говорит парень и поигрывает бровями.

Он бесспорно хорош собой, но совершенно не в моём вкусе. Думаю, стоит ли ему об этом сообщить? Закусываю губу и рассматриваю наглого друга Волкова. Русые волосы небрежно зач?саны назад, в лучших традициях парней с картинок. Смеющиеся серые глаза обрамлены шикарными ресницами, которым позавидовала бы любая девчонка. В вороте его футболке видны татуировки и это меня сразу отталкивает. Неформалы не в моем стиле, несмотря на широкие плечи, обтянутые серой тканью, и высокий, хотя и не слишком, рост. Я люблю парней повыше, с более консервативной внешностью. Без тату и прочих проколотых мест. Таких, чтобы при поцелуе они опускали голову, а мне приходилось задирать подбородок вверх. Не то чтобы я много с кем целовалась. Можно пересчитать по пальцам одной руки, и ещё даже останутся варианты. Последний, с кем я целовалась, был Никита. При воспоминании об отце моей дочери настроение сразу портится.

– Я поеду. Отгони машину.

– Ты заняла моё парковочное место.

– Оно подписано? – начинаю злиться.

Богатенькие мажоры совсем офигели.

– Вообще-то да. Я за него заплатил, когда купил квартиру в этом доме, – кивает парень на элитную многоэтажку, во дворе которой я нашла свободную парковку.

Оглядываюсь. Обычно такие дома огорожены двухметровым чёрным забором и снабжены шлагбаумом с охранной будкой. Я её не заметила? Как меня сюда пропустили?

– Извини, – тушуюсь я, чувствуя себя полной идиоткой.

– Я пошутил, – улыбается он, – но я правда здесь живу и ставлю машину именно сюда. Здесь самый удобный карман, и прямо напротив моего подъезда.

– Здесь же универ через дорогу, – прищуриваюсь. – Зачем тебе ездить на занятия на машине?

– Люблю комфорт и люблю производить правильное впечатление.

– Это какое?

– Вот любая девушка, увидев её, захотела бы забраться в неё и на её хозяина. И я прокачу её, если она окажется так же хороша, как ты, Белоснежка, – говорит парень, щёлкая брелоком, фары машины приветливо мигают, и он открывает дверь.

Видимо, это был комплимент, от которого мои уши и щёки должны были запылать. Этого не происходит. Во рту собирается горький привкус, а на языке вертятся фразы и слова, которые лучше не произносить, если хочешь остаться с человеком в приятельских отношениях.

– А ты машину сам купил? Заработал? Или получил как комплимент от родителей за поступление в вуз, место в котором тоже они тебе оплатили?

Парень опасно сверкает глазами, но меня это не останавливает. Я устала вот от таких богатеньких папенькиных сынков. Которые в жизни не видели ничего, кроме роскоши и денег. Денег их родителей, а не тех, что они заработали сами, подняв свои пятые точки и пораскинув скудными мозгами.

– Или тебе её подарили на восемнадцать лет? Вместе с правами? О, думаю, угадала. Класс. Я в восторге. Не думаю, что когда-нибудь захочу прокатиться на твоей машине и на тебе, – выпаливаю я.– А теперь, когда мы разобрались, отгони

её, пожалуйста, и дай мне уехать с твоего именного места.

Губы парня растягиваются в ухмылке. Такой опасной, не предвещающей ничего хорошего. Только я не боюсь. Стоит ему узнать, что у меня есть дочь, которой не так давно исполнился год, его тут же сдует с моего пути.

– Ник был прав. Ты интересная. Мне нравится. Люблю сложные задачи. Меня, кстати, Михан зовут. Или Мишаня. Или плюшевый Мишка. Всё, чего твоя фантазия пожелает, Белоснежка, – парень похабно подмигивает мне, обозначая свои намерения и скрывается в салоне машины, бросив на прощанье, – увидимся в универе!

Скрестив руки на груди, жду, когда данный представитель золотой молодежи освободит мне дорогу. Только когда его чёрный литой монстр отъезжает в другой конец парковочной зоны, вздыхаю с облегчением.

Что ему сказал обо мне Волков? Они обсуждали меня? Зачем?

Волков явно не знал недостатка в девушках все эти два года. Стоит только вспомнить ту девицу из столовой, сестру Нади, моей одногруппницы. Я по сравнению с ней бледная моль. И для меня до сих пор остается загадкой, почему Волков обратил на меня внимание в школе. Ведь до одиннадцатого класса мы были абсолютно двумя параллельными прямыми.

***

11 класс

– Не против, если я сяду с Макаровым? – говорит Вита, как только мы заходим в класс.

Поворачиваю голову и удивленно смотрю на подругу. Она смущенно заправляет шоколадного цвета волосы за уши и смотрит чуть левее моего лица. Улыбается, закусив губу и махнув кому-то за моей спиной.

Несложно догадаться, кому. Саша Макаров, вратарь школьной футбольной команды. Я только что всю дорогу до школы слушала, как он потрясающе целуется. Вита совсем недавно вернулась из лагеря, в котором был и Макаров. Они закрутили “от скуки”, как выражается подруга, роман и по возвращении в город и школу хотели о нём не вспоминать.

– А как же: “…что было в лагере, то в лагере и останется”? – фыркаю я, поправляя на плечах лямки рюкзака.

– Он мне подмигнул, когда мы зашли! И кивнул на место рядом с собой, – громко шепчет Вита. – Ты же знаешь, он мне нравится, причём давно. Это отличный шанс…

Только что узнала про нравится и давно. Обычно Вите нравятся самые крутые парни. В прошлом году это были три одиннадцатиклассника, которые, к счастью, выпустились, и Никита Волков, наш одноклассник.

– Ты, конечно, та ещё предательница, но иди устраивай свою личную жизнь, – киваю подруге. —Я не против, если ты сядешь с Макаровым, но изложение тебе теперь списывать придётся у него.

А он… немного туповат. Слишком часто на своем футболе пытается отбить мяч головой.

Вита порывисто обнимает меня и тихо шепчет в самое ухо:

– Ты чудо!!! Оставляю за тобой нашу парту!

– Иди уже.

Подруга поправляет волосы и достает из сумки пудреницу. Быстро проводит пуховкой по Т-зоне, обновляя свой боевой макияж. Запихнув зеркальце обратно, идёт в сторону Макарова, покачивая бедрами. Он при виде неё расцветает глуповатой улыбкой, сияет как медный пятак. Отвернувшись от их любовных воркований, бросаю рюкзак на своё место и падаю на жёсткий стул.

Сегодня первое сентября выпускного класса. Ещё год, и про школу можно будет забыть. Но какой год! Пожалуй, самый сложный из всех одиннадцати лет. Вздохнув, достаю из рюкзака дневник. Сегодня мне больше ничего не понадобится. Будет только классный час, и нас отпустят по домам. Мы с Витой собирались пойти в кино на новый фильм, но что-то мне подсказывает – у неё появились более интересные планы. Пойду тогда в кино одна. Домой совсем не хочется. У мамы новый муж. И он мне не нравится, совершенно. Маме, конечно, дела до этого никакого нет. Она вся в любви. В любви к очередному толстому кошельку.

– Привет, Романова, – раздаётся сбоку.

Вздрагиваю, потому что слишком глубоко зарылась в свои мысли. С удивлением обнаруживаю, что рядом со мной, рука об руку, сидит Никита.

Мне даже приходится пару раз моргнуть, чтобы удостовериться в том, что он мне не почудился. Ночью я спала мало, до четырёх смотрела сериал в своей комнате, поэтому глюки не исключаю.

– Привет, Волков, – говорю, разглядывая парня.

После линейки он снял пиджак, повесил его на соседний стул и закатал рукава белой рубашки, обнажив руки. На запястье крупные спортивные часы, а на среднем пальце правой руки толстое серебряное кольцо. Волков взлохматил волосы пятерней и с улыбкой оглядывается через плечо, здороваясь с кем-то из класса.

Его ноги широко расставлены, и колено почти касается моей голой ноги. На улице тепло, и я не стала надевать колготки, чтобы не портить “лук”, как говорит Вита. Школьная юбка задралась вверх, и я спешно пытаюсь её поправить, ловя взгляд Никиты на своих ногах.

– Ты чего здесь забыл? – вопрос вслух звучит грубее, чем в моей голове.

– Учусь, – отвечает Волков. – С первого по одиннадцатый. Запамятовала, Романова?

– У меня с памятью всё отлично.

Поэтому я до сих пор помню, как десять лет назад на торжественной линейке Волков отдавил мне ногу и задел жирным букетом астр по лицу. Первый раз в первый класс, блин… С тех самых пор что-то не припомню, чтобы мы когда-то разговаривали больше, чем сейчас. Никита немного из другого общества. Понятия не имею, что он забыл в нашей простой общеобразовательной школе, его место в каком-нибудь элитном лицее рядом с такими же, как он, детьми депутатов.

– А ещё с алгеброй, – ухмыляется Ник. – Меня надо немного поднатаскать к контрольным. Воспользовался шансом, пока твоя Сорокина свинтила.

Мой рот приоткрывается. Репетиторство вообще-то не благотворительность. У меня три репетитора по профильным предметам, которые мне предстоит сдать в этом году. У Волкова, с деньгами и связями его семьи, точно есть возможность оплатить дополнительные занятия.

– Я не буду тебе помогать. У тебя же есть репетиторы… – озвучиваю свои мысли. – Занимайся с ними, и все контрольные работы, и самые сложные примеры будут тебе по плечу. Здесь каждый за себя.

– Я заплачу.

Морщусь.

– Спасибо, не надо. Давай как-нибудь сам.

Волков подаётся вперед и смотрит прямо на меня. Я чувствую его дыхание на своём лице, а его волосы, упавшие ему на лоб, щекочут мой. Нужно отпрянуть и попросить его не нарушать моё личное пространство, вместо этого сижу как дура, разглядывая его глаза. Карие, такие насыщенные, почти чёрные. Первый раз в жизни вижу такие…

– Романова, у меня сборы по семь месяцев в году, выездные игры и игры за школу. Я не успеваю таскаться по всем репетиторам и подтягивать предметы. Отец разрешает играть, только если оценки будут выше среднего. Давай

договоримся. Чего тебе стоит? Это всего лишь контрольные, я же не прошу со мной заниматься, – уговаривает Волков и делает печальные глаза.

Мое сердце первый раз за все семнадцать с половиной лет вздрагивает и замирает.

– Ладно… я подумаю.

Пару лет назад, в одиннадцатом классе, параллельные прямые пересеклись первый раз. Я согласилась помогать Волкову, дурой была и пожалела его. Писала контрольные за себя и проверяла его в оставшееся на уроке время. Он не был тупым спортсменом. Ему элементарно не хватало времени, а ещё усидчивости. Волков постоянно хотел быть в движении. Ставил цели и добивался их. В какой-то момент он захотел меня. И тоже добился.

Сворачиваю с трассы около указателя и медленно еду к дому. Глаза уже слипаются, и я, вцепившись в руль, стараюсь не задавить бегающих по дороге кур, в жизни в частном доме есть свои плюсы и минусы.

Время близится к обеду. Дома меня ждёт сонная Алиса, которая, завидев меня, тут же тянет ко мне ручки. Улыбается и лепечет на своем тарабарском.

– Кто тут такой чумазый? – смеюсь, подбрасывая дочь.

Она хохочет, запрокинув голову.

– Смотри, сейчас разыграется, не уложишь, – ворчит бабушка, наливая мне в тарелку суп.

– Она поела? – спрашиваю, укладывая голову Алисы себе на плечо и поглаживая её волосики.

– Со второй попытки. Первая порция бабушкиного супа оказалась на полу. Да, негодница? – грозит пальцем бабушка своей правнучке, та в ответ опять хохочет.

– Я сейчас её уложу и потом поем.

Но этого не происходит. Как только моя голова касается подушки, я засыпаю. Кажется, раньше дочери. И, к моему сожалению, снится мне Волков.

4.Глава

– Ты вовремя, – облегченно вздыхает девушка, с которой я сегодня работаю в смене.

Отхожу в сторону. Её руки заняты грязными тарелками и пустыми бутылками из-под дорогого алкоголя. Ого! Сегодня кто-то решил шикануть, а ведь только четверг. Самые загруженные дни у нас – выходные, и чаще всего я стараюсь выходить на работу именно в эти дни. Большой поток людей означает больший заработок.

Сейчас у нас два человека на больничном и острая нехватка сотрудников, поэтому я взяла себе несколько дополнительных смен.

– Полно народу? – удивляюсь.

Обычно четверг у нас проходной день, маленькая репетиция перед выходными. Без толпы и шумных компаний, единичные клиенты. Смены не до утра, а всего лишь до двух ночи. С одной стороны, это даже удобно, но с другой… Короче, всё опять упирается в деньги. Зарплатная ставка официантки в клубе не самая большая, всё решают чаевые.

– Ага! Не хватает людей. Анна уже хотела вызывать кого-нибудь на помощь. Но… – Зоя понижает голос до ш?пота, – сегодня прямо какой-то золотой дождь! Отваливают такие шикарные чаевые, что я решила: мы с тобой отлично справимся вдвоём. Знаю, как тебе нужны деньги, и я уже сняла двухнедельную зарплату…

– Правильно решила, – говорю ей и иду быстрее в сторону подсобки – переодеваться.

Здешняя форма официанток это… что-то с чем-то. Когда я впервые увидела во что одеты местные девочки, захотела развернуться и уйти из этого “злачного” заведения – так зовёт его моя бабушка – как можно дальше, не дожидаясь собеседования. Видимо, униформа призвана привлечь больше клиентов, в основном, конечно, мужского пола, ведь парни у нас не одеваются в короткие шорты и рубашки, которые мы завязываем узлом чуть выше пупка.

Усмехаюсь. Я бы посмотрела, как наш бармен ходит в чём-то таком плюс каблуки. После смены ноги просто отваливаются! Хорошо, администратор разрешает после двух часов ночи закинуть босоножки в дальний угол шкафчика и переобуться в балетки. Сегодня такой роскоши не будет. Зато я рассчитываю на отличные чаевые, которыми, как красной тряпкой перед носом быка, помахала Зоя.

– Поля!

Клуб-бар “Бессонница” совсем новый, но его уже облюбовала публика. Открыл его какой-то нездешний бизнесмен. Я видела его лично всего один раз и то мельком, в основном здесь заправляют всем арт-директор Виктор и администратор Анна. Штат небольшой, но коллектив собрался дружный и сплоч?нный.

– Иду!

Быстро натягиваю на себя чёрные атласные шорты и такого же цвета и фактуры рубашку. Сверху застегиваю её почти на все пуговицы, лишая возможности клиентов заглянуть мне в душу, когда я буду наклоняться над их столом, во избежание пошлых шуточек и сальных взглядов. Около зеркала крашу ресницы и подвожу глаза чёрным карандашом, который в конце смены обычно размазывается в пот?кшие смоки айс. Губы обвожу алой помадой и вешаю на шею чёрный чокер.

У здешнего хозяина странный вкус….

– Красотка, – бормочу, глядя на себя и стараясь опустить узел на рубашке как можно ниже.

Интересно, Алиска узнала бы меня в таком виде или сразу принялась бы истошно орать? Она первое время жутко кричала, когда я после ванны заматывала волосы в полотенце. Не признавала. Сейчас тоже относится с подозрением, если я вдруг решаю подкрасить глаза или брови. В обычной жизни я почти не крашусь. Как-то времени не хватает, всё бегом. Да и не до этого мне по большей части.

– Вот это ноги, блин… – первое что слышу, когда выхожу в зал. – Девушка, вы не хотите обслужить… наш стол?

Вечер начинается.

Спокойствие, Полина.

Это твоя работа, и ты получаешь за неё деньги. Иногда очень даже хорошие деньги! Уговариваю себя, как могу, вежливо улыбаюсь кучке клиентов слегка за сорок пять в сопровождении девушек примерно моего возраста. Мужчина с выпирающим животом, похожим на девятимесячный, похотливым взглядом пожирает мои голые лодыжки. К горлу подкатывает ком отвращения. Его спутница по-хозяйски кладет руку ему на бедро и смотрит на меня недобрым взглядом.

Да ухожу я уже, ухожу. Не имею совершенно никаких видов на твоего “папика”.

– Ваш стол закреплён за другим официантом, но я передам, чтобы к вам подошли, – говорю с улыбкой и направляюсь к бару.

– Очень жаль, мы бы предпочли вашу компанию, – летит мне в спину.

Боже… Шевелю ногами быстрее, ругая слишком высокие каблуки. Какой только контингент не встретишь…

– Сегодня будет жарко, – вместо приветствия говорит Колян, наш бородатый бармен.

На голове у него чёрная бандана, из-под которой в разные стороны торчат рыжие волосы, борода у него, кстати, тоже рыжая. Колоритный чувак и

единственный, кому плевать на здешний дресс-код.

– Я готова, на улице как раз похолодало, – говорю, пробегая глазами по рабочему планшету.

Присвистываю. Посадка сегодня плотная, а сейчас всего лишь девять часов вечера. Алиска в это время уже сладко спит, а бабушка с дедушкой отдыхают, уложив в кроватку нашего крикливого монстрика. Сегодня пар в универе было мало и перед этим была не моя смена, поэтому чувство вины за то, что я уделяю мало времени своему ребенку, меня почти не гложет. Почти. Сложно каждый день уходить от моей пухленькой сладкой булочки. Как-то ещё до появления дочери я прочитала фразу, которая плотно засела в моём мозгу и смысл которой в полной мере я поняла, только став мамой:

“Родить ребенка – это значит согласиться с тем, что отныне твоё сердце будет бегать отдельно от тебя.”

Так и получилось.

– Кофе сделать? – спрашивает Коля, взбивая шейкером очередной коктейль, для которого я достаю высокий стакан.

– Давай.

– Зоя свой так и не выпила, – смеётся бармен. – Может, тебе повезет больше?

Не думаю…

– Полина! Шестой стол в випке! Пришли четыре минуты назад, к ним пока так никто и не подошёл! – раздается резкий голос Анны, кажется, она сегодня немного на взводе. – Зоя зашивается, хватит болтать!

– Есть, шеф, – бормочу, подхватывая с барной стойки несколько ламинированных меню.

Столы в основном зале битком. Зоя носится между ними, стирая ладонью пот с лица. Улыбается мне, когда я прохожу мимо, и подмигивает. Это наш тайный

сигнал. Значит, клиенты денежные, и мне должно повезти на чаевые.

Приободряюсь и, расправив плечи, взбегаю вверх по ступенькам.

В ВИП-зоне сегодня свободнее, чем обычно, поэтому я сразу замечаю шумную компанию, которая расположилась на чёрных кожаных диванах, а среди них вижу вдруг знакомое лицо. Мишаня. Пробегаюсь по другим лицам в поисках Волкова. Его среди них нет, но я всё равно подумываю трусливо сбежать. Даже оглядываюсь в сторону винтовой лестницы, ведущей на первый этаж. Можно попросить Зою заняться этим столиком. С большой долей вероятности Никита скоро приедет или уже где-то здесь.

– Я начинаю думать, Белоснежка, что ты меня преследуешь, – лениво тянет Миша, глядя мне прямо в лицо, его друзья тоже смотрят на меня с явным интересом.

Оценивая.

Вспыхиваю как спичка.

Неожиданно путаюсь в собственных ногах и оступаюсь, проклиная свою неуклюжесть. Нога подворачивается, и я морщусь от резкой боли. Взмахиваю руками, стараясь не свалиться как мешок с картошкой на глазах у богатеньких мажоров.

От позора меня спасают сильные мужские руки, резко дёргая вверх. Вскрикиваю и, развернувшись, хватаюсь за плечи своего спасителя.

Никита под гогот своих дружков несколько секунд всматривается в моё пылающее от стыда и боли лицо, пока я комкаю на его плечах ткань футболки.

– Полина? – неуверенно спрашивает Ник, опуская подбородок. – Ты откуда здесь?

Сердце пропускает удар, настолько для меня эта встреча становится неожиданной, и я невольно оборачиваюсь, подумывая опять сбежать.

– Работаю… – говорю, прикусывая свой болтливый язык и опуская глаза.

Сегодня в универе мы не встречались. Я постоянно оглядывалась по сторонам в поисках знакомой фигуры, прислушивалась к голосам других студентов, пытаясь уловить его тембр и держаться подальше. Как можно дальше. Я пока так и не решила, что мне делать с возвращением Волкова. Вдруг он вернулся не навсегда и через какое-то время опять уедет в Америку? Стоит попытаться ещё раз ему сказать о ребёнке? Или сделать, как велела его мать: “отпустить её мальчика и не портить ни ему, ни себе жизнь”.

Никита поднимает руку и касается пальцами моего лица, отбрасывая растрепавшиеся пряди волос. Вторая его рука, обжигая своим теплом, лежит на моей талии, удерживая меня от падения. Голая полоска кожи покрывается мурашками и мне стыдно оттого, что он тоже это чувствует.

Его зрачки расширяются.

– Я вернулся в город восемь месяцев назад, но эти два дня определенно нравятся мне больше всего, – растягивая губы в улыбке, говорит он. – Где ты пропадала всё это время, Кнопка? Я скучал…

– А я – нет, – сипло говорю в ответ, выворачиваясь из его рук.

Покачнувшись, хватаюсь за плечо Никиты, кажется, он стал ещё выше и больше. Футболисты должны же быть худыми и выносливыми? С горой мышц только на подкачанных ногах. Мои познания в футболе не обновлялись новой информацией уже пару лет. Раньше, когда мы только начали проводить время с Волковым вместе, я ходила на все его матчи. Кричала его фамилию, когда он забивал гол, и ловила его улыбки с поля, предназначенные только мне одной. Я была глупой, наивной, влюбленной девочкой.

Всё изменилось.

Только рука Никиты ложится мне на талию для поддержки, как я отскакиваю от него на полметра, несмотря на боль.

– Какого хрена… – Волков посылает мне хмурый взгляд из-под тёмных бровей.

Мне нет никакого дела до его возмущения! Я просто больше не хочу, чтобы он меня касался.

– Блин… – бормочу, наступая на ногу, двигаясь как раненая косуля. – Ай…

В лодыжке пульсирует, простреливая до самого копчика. Пытаюсь ещё раз встать ровнее. Морщусь от боли и обиды. Кажется, моя смена на сегодня закончена. Да и в ближайшие дни вряд ли удастся выйти на работу. Можно помахать отличным чаевым белым платочком и разрыдаться в него же.

Хочется снять неудобные босоножки и вышвырнуть их с балкона ВИП-зоны прямо на пустующий пока танцпол.

– Полин, сядь на диван, – говорит Никита и, забрав из моих рук меню, швыряет их на стол своим друзьям.

– Я буду мохито и креветки… – раздаётся из-за стола женский голос.

Непроизвольно поднимаю голову на звук и встречаюсь взглядом с ярко накрашенными глазами девушки, в которой узнаю сестру Нади. Она смотрит на меня с вызовом и какой-то злостью, словно я посягнула на последний кусок мяса в её тарелке. Она ревнует Ника ко мне?

– Мне надо работать. Сидеть с клиентами за одним столом запрещено, – произношу твёрдо, цепляясь за перила балкона и приподнимая ногу.

Выглядит она обычно, не красная и не синяя. Это уже хорошо. Если переоденусь в джинсы и сменю обувь на более удобную, смогу добраться до машины. В бардачке лежат обезболивающие таблетки, без которых мне трудно выжить в определённые дни месяца.

– Да плевать, что можно, а что нельзя, – взрывается Ник и делает шаг ко мне. – У тебя может быть вывих или растяжение.

– Это можно пережить! – шиплю я, пытаясь отойти от него подальше.

Волков перегородил мне все пути к отступлению, заслонив собой единственный проход к лестнице, ведущей вниз.

Боже… спуститься по ней будет тот ещё квест.

– Да что с тобой такое, Полина? Просто сядь на чёртов диван! – рычит Никита и, схватив меня за плечо, усаживает на свободное место.

Вскрикиваю и вытягиваю вперед ногу.

Никита присаживается на корточки рядом и, аккуратно подхватив мою лодыжку, ловко расстегивает тонкий ремешок босоножки.

– Мммм, – мычу от облегчения, когда нога получает свободу от обуви, которой можно пытать людей.

– Это самый эротический стон в моей жизни, – раздаётся рядом с моим ухом хриплый голос Миши, о котором я уже успела забыть.

Вообще успела забыть о том, что на нас с Никитой смотрит человек десять посторонних мне людей. Его друзей. Лучше бы смотрели в меню!

– Даже не мечтай, – бормочу в ответ и вздрагиваю, покрываясь мурашками с головы до пяток.

Потому что горячие пальцы Волкова касаются моей кожи. Нежно, почти невесомо пальпируя болезненный участок. Он ставит мою стопу себе на коленку, продолжая ощупывать голень. Не знаю, почему сейчас разрешаю ему себя трогать. Ведь это отличный шанс съездить ему ногой по челюсти. За все прошлые обиды и одиночество. За то, что просто исчез! Ни сообщения, ни звонка!

Мамаша его, конечно, упрятала куда подальше, стараясь, чтобы жизнь её сына и его будущее были такими, какими они запланировали, без всяких возможных “но” в виде внезапного ребенка. Но разве я не заслуживала от него хотя бы объяснений? В вечной любви он мне не клялся, но какие-то отношения у нас были. Я что, не заслуживала простого сообщения: “Полина, мы расста?мся”?

Грудь сжимает давняя обида.

Про дочь он не узнает. Уж точно не от меня. Она только моя.

– Тебе нужно в травмпункт, – говорит Никита, поднимая голову, выглядит встревоженным.

Мы встречаемся глазами, и я первая отвожу свои, облизывая губы.

Забираю у него свою ногу и снимаю босоножку со второй.

– Где ты был столько времени со своей заботой? – слова вылетают быстрее, чем я успеваю сообразить, что говорю это вслух.

Надеюсь, я сказала это достаточно тихо и меня никто не услышал.

Хочу хлопнуть себя по лбу, но вместо этого встаю с дивана, перенося вес на здоровую ногу. Бетонный пол кусает холодом стопу, и я инстинктивно поджимаю пальчики.

Никита продолжает сидеть у моих ног, протягивая мне мою обувь.

– Могу спросить у тебя то же самое, – говорит парень и поднимает голову, смотря на меня снизу.

Сглатываю.

– Ну что там? У нас примут заказ или как? – возмущается девчачий голос из-за спины Ника. – Отвратительное обслуживание! Столько возни из-за какой-то официантки. Пусть нам пришлют другую.

– Эй, Мила, полегче, – говорит Мишаня, – мы никуда не торопимся.

Минутное наваждение пропало. Всё опять встало на свои места. Никита поднимается на ноги, продолжая смотреть прямо на меня.

– К ноге надо приложить лёд, – произносит он. – Пойдём провожу тебя вниз.

Он преграждает мне путь к их столику, за которым все без исключения за нами наблюдают. Встречаюсь глазами с Мишей, тот в ответ ухмыляется и тоже встает с дивана.

– Ничего страшного… Вы определились, что будете пить? – говорю, прочистив горло.

Я приму этот чёртов заказ. Отдам его на бар и на кухню. Поговорю с Анной и поеду домой, закинувшись обезболивающим.

– Да!

– Нет, – резко говорит Никита и трогает меня чуть выше локтя. – Пойдём вниз. Пусть пришлют кого-то ещё.

– Это моя работа. Принять заказ я уж точно в состоянии. Я делала это сотни раз! – шиплю в ответ, пытаясь отобрать назад свою руку, но это оказывается не так просто.

– И сделаешь ещё, но не сейчас, – сквозь зубы цедит Ник. – Тебе в травмпункт надо и приложить лёд. Хочешь потом неделю с лангеткой ходить?

– Ты вообще откуда такой заботливый взялся? – взвиваюсь. – Тебе какое до меня дело?

– И правда, – грустно усмехается Никита.

– Так, ребята. Брейк, – примирительно произносит Миша, влезая между нами.

Никите приходится отпустить мой локоть, а мне, закусив губу, приклеиться обратно к спинке дивана, вцепившись в неё рукой.

– Если не хочешь, чтобы Волков тебе помогал, давай я, – вызывается этот предводитель семи гномов, поигрывая бровями. Начинаю подозревать, что у него какой-то нервный тик. – Одна ты всё равно по лестнице не спустишься.

– Блин, Чернов, не лезь, – тихо говорит Волков, прикрывая глаза. – Мы сами разберёмся…

Откуда вдруг взялись эти “мы”?

– Никита, иди уже ко мне. Хватит там возиться с этой… – язвительно произносит Мила.

Стрельнув на неё глазами, быстро принимаю решение. Убраться отсюда. С любой помощью.

– Спасибо… – говорю, цепляясь пальцами за предложенный бицепс Миши и смотря на Никиту с вызовом.

Волков лишь поджимает губы и качает головой, всем видом показывая, что мой выбор он не одобряет. Плюхается на диван и отворачивается к своей девушке, или кем она там ему приходится.

А я чувствую что-то отдаленно напоминающее удовлетворение, но с очередным привкусом разочарования. Словно я ошиблась, и нужно было поступить совсем иначе, приняв помощь Никиты.

5.Глава

“Восемь месяцев назад… Скучал…”

Фраза пульсирует в моём мозгу, не уступая ноющей боли в ноге, которую, как и предвещал Волков, затянули в лангетку.

Где ты был, Ник? Где?

Так сильно скучал, что не потрудился даже найти? Нас… с Алиской.

С горечью понимаю, что он, скорее всего, ничего о ней не знает. Не знает, что у меня есть ребенок от него. Возможно, он никогда не получал от меня тех сообщений и не видел пропущенных звонков. Живёт в неведении, что где-то недалеко бегает часть его самого. Учится ходить, говорить, позна?т мир. Не знаю как для мужчин, а для меня это была бы большая потеря, узнать, что я столько пропустила в жизни собственного ребенка.

Рассказать ему? А поверит ли? Если только заикн?тся о проверке на отцовство, больше никогда не подпущу его к дочери.

Мысли обиженной женщины? Возможно.

У меня уже нет сил спорить с собственной гордостью. Каждая встреча с Никитой – это как обжечься утюгом. Несколько секунд резкой боли, а потом мучительно печёт и напоминает об ожоге ещё очень долго.

Закусив губу и прижавшись к холодному стеклу окна в такси, решаю, как поступить.

Его мамаша хорошо постаралась, спрятав сына на другой конец земного шара, подальше от нас. Думала, деньги заставят меня молчать и сделать аборт. Только я выбросила пухлый конверт, который получила от четы Волковых, в ближайшую же урну около их дома. На аборт пошла из-за трусости и растерянности перед будущим. Когда тебе восемнадцать, и внутри начинает расти новая жизнь, это очень меняет все планы на жизнь. Не знаю, есть ли те, кто не испугался в такой момент. Я не одна из них. Я испугалась.

Вовремя одумалась и со стыдом вспоминаю минуты слабости, но да, они у меня были.

Прикрываю глаза от усталости, потому что эта ночь выдалась длинной. Сначала работа, мажор, потом травмпункт. Теперь мне хочется только упасть на кровать и забыться сном. Желательно без сновидений.

Утром следующего дня я просыпаюсь оттого, что маленькие ручки дочери пытаются снять с меня скальп. Она запускает пальчики в мои волосы и с силой тянет на себя. Сонно пытаюсь отползти от неё подальше, но эта проказница не настроена так легко отдавать свою новую игрушку.

– Алиска, что творишь? – ворчу, забирая у неё свои нерасчесанные пряди волос.

Видимо, уже и не расчесать, так запутала их дочь. Вчера, когда я вернулась, она уже давно сладко спала и не проснулась, пока я, совсем не тихо со своей больной ногой, пробиралась в нашу небольшую комнату.

– Бу! – хихикает она, ложась мне прямо на лицо.

Обнимаю маленькое теплое тельце, пахнущее ванильными булочками, и дую ей на шейку, вызывая приступ детского неконтролируемого хохота.

– Ах ты, проказница! – Принимаюсь легонько щекотать её бока, пока она не начинает повизгивать и хрюкать от смеха.

Сажусь на кровати и, положив дочь между своих широко развед?нных ног, смотрю, как она катается колбаской из стороны в сторону, продолжая посмеиваться и поддразнивать меня пальчиками ног.

– Бабушка твоя где? Пойдём поищем?

Пойдём – это, конечно, громко сказано. Пытаюсь сползти с кровати, закусив губу. Мне срочно нужно обезболивающее, даже больше, чем утренняя доза кофе. Вчера я вернулась домой около полуночи, а сейчас только шесть. Алиска никогда не отличалась долгим сном по утрам. Зато она быстро засыпает по вечерам и долго спит днём после прогулки. Везде есть свои плюсы.

Наша с дочерью комната находится на первом этаже, бабушка с дедушкой переехали наверх. Когда я перебралась жить к ним, второй этаж использовался больше, как склад и был мало пригоден для жилья. Нельзя сказать, что у нас какой-то особняк на двести пятьдесят квадратов. Обычный дом. Есть газ и центральное отопление несмотря на то, что живем мы в поселке, отдаленно напоминающем деревню. Близость к городу в этом вопросе решает многое. А ещё летом можно сразу после пробуждения выйти с чашкой кофе во двор. Босиком и в пижаме. Алису я обычно сажаю в песочницу рядом с молоденькой березой, она у меня просто фанат песка. Особенно любит пробовать его на вкус, но каждый раз он её не устраивает.

Прохожусь мягкой расческой по волосам дочери и, таща за собой ноющую ногу, иду к двери.

– Батюшки! – восклицает бабушка, завидев нашу парочку. – Где тебя так угораздило?

– На работе, – отвечаю хмуро.

Алиска бежит к ней, переставляя пухлые ножки, и что-то лопочет.

– Ам! Ам! – говорит дочь, показывая на свой стульчик.

Бабуля подхватывает её на руки и сажает на него, предварительно поставив перед ней тарелку с кашей. Алиса у нас дама самостоятельная, ест исключительно сама, даже если в рот при этом ничего не попадает.

– Кофе не осталось? – спрашиваю.

Тоже сажусь и вытягиваю вперед больную ногу. Мне дали больничный на неделю. Администратор была не очень довольна, когда я озвучивала ей это по телефону. Людей и так не хватает. Сама я тоже недовольна. Потому что, выпав на неделю из привычного графика, мне будет тяжелее возвращаться в рабочее русло. А ещё учеба. Не знаю, как я буду ездить на пары. Всё пошло наперекосяк. Мне хочется добавить, что из-за Волкова. Но головой-то я понимаю, что, по крайней мере, здесь он совсем ни при чём.

Вчера еле отделалась от его друга. Он топтался со мной на улице до приезда такси. Попросил номер телефона и травил странные шуточки. Номер он не получил.

– Ба, машину надо забрать. Я оставила её около клуба. Или пусть там стоит?

– Если нужно, деда отправим. Ему как раз в город завтра нужно, – отвечает бабушка, протягивая мне чашку с кофе. – Ты в больнице была?

– Конечно.

– Что сказали?

– До свадьбы заживет. Ба, не переживай, – улыбаюсь ей.

– Кто бы сомневался. Надеюсь, я до твоей свадьбы тоже доживу, – ворчит моя самая любимая старушка.

С улицы раздается звук подъезжающей машины, и мы одновременно оборачиваемся к окну. Забор у нас не глухой, а просто сеткой, во дворе кое-где посажены кустарники, поэтому сразу видно, что автомобиль остановился около нашей калитки.

– Кого это принесло в такую рань? – говорит бабушка и, бросив полотенце на стол, спешит к выходу.

Мне почему-то становится страшно. Мы никого чужого не ждём. Гости у нас бывают крайне редко, и в основном это бабушкины подруги, живущие на соседних участках.

– Пойдём умоемся, – говорю дочери, подхватывая её на руки.

И прежде, чем успеваю скрыться с ней в ванной, слышу из прихожей голоса на повышенных тонах.

***

– Ты чего пожаловала-то, Галь? – разбираю сквозь шум льющейся воды недовольный бабушкин голос.

Сердце замирает, удивл?нно поворачиваю голову к неплотно прикрытой двери ванной. Алиска выкручивается из моих рук, уворачиваясь от воды. Перехватываю её удобнее и ставлю ногу на подставку около раковины, на которой я обычно сижу во время вечерних купаний дочери.

– Не вертись, – прошу тихо и прислушиваюсь к разговору за дверью.

– Мне нужно специальное приглашение, чтобы навестить родных мать и дочь? – говорит моя мать.

Я представляю, как при этом она выгнула свои идеальные после татуажа брови. Моя мама вообще очень красивая и ухоженная женщина. После того, как они с отцом развелись, он переехал в Питер и занялся бизнесом, о котором всегда мечтал. А мама занялась собой, забыв при этом о дочери. Мне тогда было тринадцать лет, вроде и взрослая уже – понимала, почему родители развелись, но долго не могла к этому привыкнуть. Я как-то вдруг стала никому не нужной: была у нас семья, ячейка общества, где я чувствовала себя комфортно, а потом вдруг у мамы появились другие интересы. Она почувствовала свободу после долгого брака и забыла о том, что мне тоже нужно было внимание в то время.

Папа был далеко и его звонки через пару лет сошли на нет. В основном мы созваниваемся пару раз в год, по большим праздникам. Алименты он исправно платил до моих восемнадцати, а сейчас присылает иногда деньги на Алису. В общем, вроде не бросил, но в нашей жизни не участвует.

Мы с Алисой сами по себе. Иногда я думаю о том, что родила дочь для себя. Чтобы просто не чувствовать себя одинокой в этом мире. Потому что с её появлением об одиночестве пришлось забыть.

– Нужно, – говорит бабуля, но, судя по звукам, они уже на кухне.

– Полинка где? Я больше к ней приехала, давно дочь не видела. Соскучилась. Вижу, вы тут хорошо устроились… Мамка, чаю наль?шь?

Алиска начинает хныкать, потому что я увлеклась и намочила её пижаму каплями воды. Она не переносит, когда на ней что-то мокрое. Нужно снять и немедленно заменить. Из ванной выходить мне не хочется. Трусливо оттягиваю момент встречи с родной матерью. Внучку она видела всего пару раз, визитами нас особо не балует, как и своим вниманием. Её позиция насчёт ребенка в восемнадцать была мне предельно ясна.

– Не жалуемся. Налью, – скупо отвечает бабушка. – Поля, мать приехала.

Пристраиваю дочь на стиральную машинку и расст?гиваю на плечиках тугие пуговицы.

– Минутку…

Минутка растягивается на десять, но тянуть больше не получается, и, подхватив дочь, прижимая её к себе спиной, выхожу из ванной.

– Привет, – говорю матери и присаживаюсь напротив неё за стол.

Не смотря на ранее утро, она одета так, словно собралась на показ мод, не меньше. На ней светлый брючный костюм, коралловый платок, повязанный вокруг шеи, и такого же цвета помада на губах. Её новый муж занимает не последнее место в нашей области, и она пытается ему соответствовать, словно жена президента.

– Волосы хоть расчесала бы, – вместо приветствия говорит она.

– Я только недавно проснулась, – отвечаю и вытягиваю вперёд ногу, которая опять начинает болезненно ныть. – Бабуль, дашь мне обезболивающего, в сумке у меня, в косметичке.

– Конечно, милая, – отзывается бабушка.

– Оставь нас, мам, на пару минут и девочку забери. Мне надо поговорить с дочерью наедине, – вдруг говорит мама.

Бабушка ставит перед ней чашку с чаем и, забрав с моих рук Алиску, выходит с кухни, плотно прикрыв дверь.

Смотрю на маму выжидающе. Стараюсь сохранять спокойствие и не показывать своего волнения. А я волнуюсь. Потому что в её поведении скользит что-то странное. Она поджимает губы и отводит глаза, когда пытаюсь поймать её взгляд. На Алиску же она вообще ни разу не посмотрела. Неужели даже не интересно, как она изменилась за то время, что они не виделись?

– Григорий будет участвовать в выборах. Его выдвинули от новой партии, – гордо говорит мама, проводя пальчиком по ободку чашки.

– Здорово. Может, он сделает дороги в области? – усмехаюсь.

– И дороги, и пенсии поднимет, – важно кивает мама.

– А я тут причём? – задаю вопрос, который мучает меня последние несколько минут.

Вряд ли я могу чем-то помочь маминому мужу в предвыборной кампании. Разве что листовки с его портретом расклеить в нашей деревне, но, думается мне, для этого у него есть специально обученные люди. А я со своей ногой не особо ходок сейчас.

– Алексей Волков – главный конкурент Григория… – начинает заходить издалека мама.

Пазл в моей голове складывается мгновенно, хотя она ещё толком ничего не озвучила. Вскакиваю на ноги, позабыв о боли, и, вцепившись в стол пальцами до побелевших костяшек, резко говорю:

– Даже не думай.

– Ты только послушай, Полина. Это же сенсация! Эта новость утопит предвыборную карьеру Волкова! Внучка, которую они упрятали в деревню! Отказались! Заплатили денег, чтобы ты сделала аборт! Да с этой семьи можно и нужно стрясти компенсацию.

В неверии качаю головой:

– Она и твоя внучка тоже! Мам, ты что, пересмотрела сериалов на канале «Россия»?

Мама продолжает, словно репетировала речь и готовилась к выступлению не один день. Ничего не может сбить её с заученного текста и цели.

– Мы проведём расследование, найм?м репортёров. Ты дашь интервью местной газете и на телевидении. Если нужно, сделаем ДНК-тест! Без этого, конечно, не обойтись. Но тут и так сходство с его сыном налицо, только дурак этого не

заметит.

Задыхаюсь от возмущения. Открываю и закрываю рот, и просто не могу поверить в то, что она мне предлагает.

– Ты хочешь нас выставить как каких-то цирковых зверей на всеобщее обозрение и обсуждение? Тебе самой не противно от того, что ты предлагаешь?

– Посмотри, где ты живешь! Кем работаешь! Это пойдёт вам только на благо. Просто подумай. Его сын как раз в городе! Можно и нужно призвать к ответу и молодого папашу! – эмоционально говорит мама, потирая руки.

– Нет. Просто… уходи. – Пытаюсь отойти от стола, волоча за собой ногу.

– Я оставлю визитку, там номер адвоката, с которым работает Григорий. Мы ему обрисовали ситуацию, он готов в любой момент найти нужных людей, которые поспособствуют огласке.

– МАМА! – кричу я, потому что по-другому эта женщина меня не слышит. – Я сказала – нет! Алиса только моя дочь! У неё от Волковых нет ничего! Я не буду с них ничего требовать! Меня всё устраивает!

– Ну и дура ты! Как была идиоткой, так и осталась! – зло бросает мама и, подхватив свою сумку, стуча каблуками по полу, направляется к двери. – Деньги тебе нужно было брать ещё тогда. Сейчас бы не работала как какая-то стриптиз?рша в деш?вом клубе. Я предлагаю тебе возможность утереть этой семейке нос. Рано или поздно правда всё равно выльется наружу.

– Уходи!

На крики прибегает бабушка с плачущей Алиской на руках. Дочь остро чувствует все мои эмоции и перемены настроения. Сейчас я просто в ужасе. Меня только что окунули в такое дерьмо, в такие помои, что я не знаю, как спокойно жить дальше. Теперь каждый день буду оборачиваться и бояться, что около дома появятся люди с камерами. А может, они уже были, просто я не замечала?

– Галя, что происходит? Почему вы кричите? – спрашивает бабуля, передавая мне плачущую дочь.

Беру её на руки и прижимаю к своему плечу головку.

– Ничего не происходит, мама. Просто разговор двух людей, которые пока не пришли к пониманию. Но я надеюсь, Полина, на твое благоразумие.

Голова начинает болеть почти сразу, как за матерью закрывается дверь. Бабушка суетится, бегая по кухне, предлагая мне запить таблетку обезболивающего водой и наливая в бутылку компот для Алиски. Хочет забрать у меня её, но я только сильнее обнимаю дочь, боясь, что в любой момент кто-то может явиться и потребовать на неё права. Что маловероятно, но такой страх вдруг селится в моей душе рядом с кучей других. Она только моя.

6.Глава

– Как новенькая! Я же говорил – до свадьбы зажив?т, – усмехается молодой травматолог, рассматривая мои снимки. – Можете опять взбираться на высоченные ходули, только постарайтесь с них больше не падать и к нам не попадать. Печать на выписку можно поставить на втором этаже. Там же есть аптека, я рекомендую каждому иметь в своей аптечке вот эту мазь. Пригодится.

В субботу в городском травмпункте не протолкнуться. Я просидела в очереди на рентген сорок минут, в совершенно непривлекательной компании, состоящей из бомжей с пробитыми головами и гостей из ближнего зарубежья с переломами конечностей. Успела пожалеть, что отпустила дедушку. Он предлагал зайти со мной внутрь больницы. Они с бабулей и без того для нас с Алисой много делают, потому я решила сегодня пройти везде одной. Да и что может случиться?

– Спасибо большое, – говорю, забирая свою карту и стикер с назначениями.

Прошло полторы недели с момента моего вывиха с растяжением. Этот же молодой травматолог принимал меня прошлый раз. Услышав историю о том, как я получила травму, он непрофессионально рассмеялся. И сказал, что случай

весьма распространённый. Недаром я ненавижу каблуки. Красиво постоять или посидеть в них ещё можно, но ходить постоянно – на это нужен особый талант. На работе уже предупредила администратора о том, что в ближайшую свою смену я проигнорирую этот элемент рабочего дресс-кода.

– Могу ещё выписать направление на ЛФК. Будете ходить? – несётся мне в спину.

Хватаюсь за дверную ручку и оборачиваюсь.

– Слишком далеко до вас ездить. Спасибо, – благодарю врача ещё раз и, кивнув, выскальзываю в душный больничный коридор.

– Наконец-то, – ворчит женщина из очереди, которая занимала за мной. – Что там можно так долго делать?

Как будто в государственных клиниках когда-то всё делали быстро. В нашей – точно нет. Здесь недалеко отстроили огромный новый больничный корпус, куда можно попасть только по большому блату, которого у простых смертных просто нет. Он соединён с основной больницей большой “стеклянной кишкой”, то есть переходом. Я слышала, как персонал между собой его так называет.

Построен корпус, кстати, на деньги старшего Волкова. Может быть, поэтому его портрет висит почти в каждом кабинете вместе с портретом нашего президента?

Хмурюсь, замедляя шаг, пропуская вперёд группу людей в белых халатах.

После встречи с Никитой фамилия Волков преследует меня постоянно. Два года я жила спокойно, а теперь д?ргаюсь даже от собственных мыслей при упоминании о бывшем или его семье.

На лестничном пролёте торможу, около перехода образовалась пробка из людей. Из лифта выкатывают инвалидную коляску, и мы все пропускаем её. Воспользовавшись этой заминкой, убираю в рюкзак свою карточку вместе со снимком и, сжав в кулаке стикер с названием мази, поднимаю голову.

В гуле голосов слух улавливает знакомый тембр, на каких-то неведомых инстинктах оборачиваюсь в поиске его источника. Около женщины в инвалидной коляске стоит Никита и разговаривает с пожилым мужчиной-врачом. Он поднимает руку и треплет собственные волосы, а вторую опускает на плечо женщины.

– Девушка, отойдите пожалуйста, – раздается над ухом, и я, вздрогнув, поспешно освобождаю дорогу стайке медсестёр.

Жмусь к стене и опять смотрю в сторону Волковых. У меня нет никаких сомнений, что в коляске рядом с Никитой сидит женщина, по вине которой Алиса носит мою фамилию и отчество от имени моего деда. Она мало похожа на себя прежнюю. Худая и осунувшаяся, с бледным цветом лица, который особенно выделяется на фоне смуглой кожи Никиты. Её он унаследовал от своего отца. Женщина мечется взглядом по коридору, и мы встречаемся с ней глазами. Точно такими же, как у моей дочери. Карими. Самый теплый и уютный цвет глаз. Мне всегда казалось, им обладают лишь добрые, честные люди.

Мои ладони холодеют, а сердце в груди разгоняется с новой силой. Теперь никуда не ступить в этом городе без Волковых? Везде они.

Сглатываю.

Она всё смотрит. Не отрываясь. В её глазах появляется лихорадочный блеск, и она облизывает сухие губы. Трогает Никиту за руку и что-то говорит.

Мне бы убраться отсюда как можно скорее, но вместо этого я просто стою и смотрю на разворачивающуюся передо мной сцену разговора матери и сына. Стою и чего-то жду. Видимо, того момента, когда Никита вдруг поднимает голову и, пробегая глазами по толпе, находит меня.

***

Наконец выхожу из ступора и начинаю двигаться, одновременно в движение приходит и Никита.

Мне это совершенно не нравится. Не нужно быть гением, чтобы рассчитать точку нашего пересечения. Он целенаправленно идёт в мою сторону, и если я сейчас развернусь на сто восемьдесят градусов, то, возможно, мне удастся избежать встречи. При этом в его глазах я буду выглядеть идиоткой, которая всегда убегает.

– Полина! – окликает меня Никита, когда я всё-таки трусливо ускоряю шаг.

После внезапного появления моей матери у нас дома и её мерзкого предложения, я много думала о Волкове и его семье. Нет, портить им жизнь в мои планы не входило. Публично давать интервью и обливать грязью его мать и отца – тоже. Моя обида на них всё ещё не забыта и как нарыв зреет в душе, подпитываемая неприятными воспоминаниями. Колкими словами и грязными обвинениями, которые были услышаны мной два года назад на пороге их дома. Но первый раз за последнее я время задумалась о том, чтобы рассказать Никите об Алиске.

Он ничего не знает о ней. Родители скрыли факт рождения его дочери, а я трусливо отступила и не стала ни с кем бороться. Его ждала Америка и прекрасная жизнь, полная возможностей, и кто я такая, чтобы вставать на его пути? Первая школьная влюблённость? Ему было восемнадцать, как и мне. Что он знал о детях?

– Привет, – выдыхаю, останавливаясь.

Никита улыбается. Рад, что я не сделала попытки сбежать? Или чисто из вежливости? В Америке все друг другу улыбаются – я по телевизору видела, он перенял эту привычку оттуда?

– Тебя выписали? – спрашивает он.

– Да, – кошусь в сторону и натыкаюсь на его мать.

Она осталась сидеть в кресле-каталке, вцепившись тонкими пальцами в колёса. Следит за нами не мигая, рядом с ней стоит женщина в белом халате, поправляет плед на её ногах. Это кто? Сиделка?

Мне становится неуютно под её тяжёлым взглядом, и я опять возвращаюсь глазами к её сыну.

– Не видел тебя в универе. Ты не ходила на пары. Как нога? – участливо спрашивает парень.

Почему он общается со мной так, словно, между нами, не лежит пропасть в два долгих года?

Что же тебе наплели тогда про нас? Почему ты исчез? Не звонил, не писал. Не получил ни одного сообщения?

На эти вопросы у меня ответов нет, и вряд ли я решусь когда-нибудь произнести их вслух.

– Была на больничном, – говорю и демонстративно делаю несколько шагов, стараясь его обойти. – Снова могу ходить.

Внезапно передо мной появляется рука Никиты. Он кладёт её на стену и преграждает мне путь. Закусив губу, поднимаю на него глаза. Его тёмные волосы сегодня в жутком беспорядке, словно он постоянно трогает их руками. Скулы на его лице выделяются сильнее, чем обычно, и мне неожиданно приходит мысль о том, что с нашей последней встречи он похудел.

Это связано с его матерью? Опять стреляю глазами в сторону женщины. У меня начинают сдавать нервы от того, как пристально она на меня смотрит. Ждёт, что я прямо сейчас вывалю правду на её сына? Боится этого? Или желает?

– Чего тебе от меня надо? – спрашиваю тихо.

– Ты постоянно от меня бегаешь, – так же тихо говорит он, чуть наклоняя голову вбок. – В чём причина?

– Нет никакой причины. Тебе показалось, – отвечаю поспешно, даже слишком поспешно. – Не весь мир крутится вокруг тебя.

– Значит причина есть… – усмехается Волков и проводит большим пальцем по своей губе. – Интересно…

Как приклеенная слежу за этим его движением. У него довольно чувственные полные губы, которые обычно бывают у смазливых девчонок. Но раньше каждая моя одноклассница мечтала к ним присосаться. Думаю, с возрастом количество желающих сделать это только возросло.

Пожимаю плечами, прогоняя дурацкие воспоминания о наших поцелуях. Что-что, а целоваться Волков умел…

– Раньше ты была более разговорчивой, Романова.

– Раньше всё было иначе, Волков, – произношу в тон ему. – Мы были детьми.

– Занимались мы совсем не детскими вещами, Полина, – хрипло говорит Ник.

Волоски на всём теле встают дыбом от его интонации и голоса. Мне кажется, он сам в шоке от того, как интимно это прозвучало, потому что вдруг хмурится и выпрямляется.

– Мне казалось, ты немного занят, – киваю ему за спину и показываю на больничную стену. – Не время и не место для таких разговоров.

– Да, ты права.

– Прошлое лучше оставить в прошлом и отпустить, – серьёзно произношу и опять делаю попытку его обойти.

– С этим я не согласен…

– Мне правда пора, Никита, – говорю устало.

До дома придётся ехать на автобусе.

Я хотела отпустить сегодня бабушку к её подруге, да и просто дать ей время отдохнуть от общества Алисы, ну и от моего тоже. Иногда с нами обеими бывает трудно. Ничего этого я, конечно, Никите объяснять не собираюсь. В его компании мои нервы натянуты как канаты. В голове постоянно пульсирует мысль о том, что он отец моей дочери и ничего не знает о ней. Только я ещё не до конца решилась признаться ему в том, что у нас есть ребёнок.

Никита вдруг оборачивается на свою мать и улыбается ей, точно так же, как и мне несколькими минутами ранее. Тепло и ласково. Женщина поднимает руку и приветливо машет в ответ.

Мне опять становится дурно от её присутствия рядом.

– Мама тебя узнала, – говорит Никита, возвращаясь взглядом ко мне.

7.Глава

Паркую машину на университетской стоянке, поглядывая в зеркала бокового вида. С параллельной парковкой у меня до сих пор некоторые проблемы, а сейчас я вдобавок ко всему нервничаю. Встала не идеально, но сойдет. Рядом раскорячился чей-то «рендж ровер». Моя старенькая ласточка выглядит рядом с ним просто убого.

Барабаню пальцами по рулю, подхватываю с соседнего сиденья свой рюкзак и, несколько раз глубоко вздохнув, выбираюсь наружу. На крыльце университета меня ждёт Катя, кутаясь в длинный бежевый кардиган. По утрам и вечерам на улице становится ощутимо прохладнее, зато днём всё ещё можно ходить в футболках.

– Спасибо за конспекты, – говорю старосте и протягиваю стаканчик с ароматным капучино.

– Вау! Спасибо! – С благодарностью принимает его и греет покрасневшие пальцы о тёплый стакан.

– Давно ждёшь? – Спрашивая, толкаю дверь центрального корпуса внутрь.

Сегодня у нас четыре пары и будут проходить первые семинары, а это значит – мы застряли в универе почти до вечера. Хорошо, что сегодня на работу ехать не нужно. По понедельникам в клубе выходной. Хотя я бы уже немного поработала, потому что мои денежные запасы тают на глазах.

– Я сегодня вышла пораньше, – говорит Катя.

Судя по её красным от холода пальцам, она вышла даже слишком рано. Хмурюсь и хочу спросить у неё, почему не дождалась меня около гардероба, а стояла и мерзла на улице, как вижу знакомую фигуру Мишани.

– Блин!

Где Миша, там недалеко и Волков. Они как сладкая парочка «Твикс»: ходят исключительно правый с левым. Пока я была на больничном, Катя скидывала мне сканы своих конспектов, а Надя – ссылки на университетские сплетни, где персона Волкова мелькает постоянно.

Мы создали общий чат в социальных сетях и мессенджерах, чтобы всегда быть на связи. Подруг, кроме Виты, у меня нет, а эти девчонки неожиданно оказались интересными и приятными в общении. Правда, они пока не знают, что я мать-одиночка. Некоторых девушек моего возраста пугает наличие детей. Чего уж говорить о парнях?

– Ты чего? – удивляется Катя, когда я останавливаюсь рядом с колонной.

– Знакомого увидела. Надю будем ждать? – спрашиваю, стягивая с плеч тонкую кожаную куртку.

– Да, она пишет, что уже подъезжает, – заглядывая в свой мобильник, отвечает Катя.

Киваю ей и иду в гардероб сдавать верхнюю одежду. Забрав номерок, поворачиваюсь к главным дверям как раз в тот момент, когда в них заходит Никита. Предварительно пропустив перед собой Надю и её сестру Милу. Две

девушки расходятся в разные стороны, не сказав друг другу ни слова. На лице Нади написано колоссальное облегчение, и, завидев Катю, она приветливо улыбается.

Пячусь назад, стараясь слиться с толпой, пока Волков меня не заметил. В субботу в больнице мы не договорили. Я позорно сбежала, воспользовавшись моментом, когда его окликнул мужчина в белом халате, видимо, врач его матери или кто-то в этом роде. Поспешно попрощавшись, я сбежала вниз по лестнице, чуть не забыв, что вообще собиралась сделать. Сердце в груди билось как бешеное. Пришлось приложить к нему руку в попытке усмирить. Быстро поставив печать на больничный лист, я почти бегом, насколько позволяла моя только что зажившая нога, добралась до остановки и поехала домой. Волков пару раз меня окликнул, но преследовать не стал, и на том спасибо. Зато вечером же того же дня постучался почти во все мои социальные сети.

Я так и не смогла добавить его в друзья или отклонить заявку. Какие мы друзья после того, что между нами было? Начинать общаться заново, будто ничего не было, тоже сложно и неправильно. По крайней мере, у меня есть Алиса, о которой Волков ничего не знает. И я не знаю, как ему преподнести тот факт, что у него есть ребенок. И нужна ли ему эта информация?

Если бы его мать хотела, она ведь давно могла с ним ей поделиться, но, видимо, не посчитала нужным.

Я не удивилась, что она меня узнала. Жанна Анатольевна Волкова была председателем родительского комитета всё время, пока мы учились в школе. Нам не раз приходилось пересекаться за эти одиннадцать лет. Она знала мою мать и знала меня. Потом мы встретились последний раз. Она знала, что я родила от её сына, и ни разу за всё это время не появилась на пороге моего дома. Я была бы ей не рада, но сам факт.

Тряхнув волосами, прогоняю ненужные мысли.

Сейчас у меня и Алиски всё нормально. Нам комфортно вдвоём. Я бы хотела, чтобы так и продолжалось. Поэтому от семьи Волкова и от него самого нужно держаться подальше.

– Эй! – Разворачиваюсь на пятках, гневно смотря на парня перед собой. – Отдай! Немедленно!

Никита, одетый в красно-ч?рную клетчатую рубашку, серую футболку и чёрные джинсы, улыбается, обнажая белый ряд зубов. На его щеках появляются две ямочки, а около глаз собираются лучики морщинок. Ему всего двадцать, но у него эти лучики уже давно, ещё со школы. Пытаюсь отобрать у него свой телефон, который он бесцеремонно вынул из заднего кармана моих джинсов.

Как я не заметила его приближение? Так была поглощена мыслями о нём же?

– И тебе доброе утро, Романова. Я тут узнал, что мы, оказывается, учимся в разных группах, – говорит Волков и берёт меня за руку, которую я пытаюсь тут же вырвать из его захвата. – И ты первокурсница… это интересно. Не хочешь мне ничего рассказать?

– Не имею ни малейшего желания. Убери руки! – рычу ему в лицо.

Никита быстро проходится языком по своей нижней губе и толкает меня за колонну, скрывая от любопытных глаз студентов, заполонивших центральный холл. Где-то там стоят Катя и Надя. Миша и Мила. И я чувствую, что против своей воли наша парочка притягивает к себе всё внимание.

Прекращаю брыкаться и смотрю с вызовом на Волкова. Он навалился на меня всем своим горячим тренированным телом, блокируя мои малейшие трепыхания, упираясь рукой в стену рядом с моей головой.

– А я думаю, рассказать придется, – тихо говорит Ник, чуть отстраняясь от меня, но при этом моя грудь всё равно касается его. – Почему ты от меня шарахаешься, Полин? Я разве тебя обидел?

Обидел?

Мне хочется рассмеяться, но вместо этого из моего рта выходит что-то, похожее на бульканье. Глаза Никиты сразу перемещаются на мои губы, и я забываю, как дышать. Ладонь Волкова всё ещё сжимает мою, посылая горячие импульсы по всему моему телу, словно разряды тока. Шевелю пальцами, пытаясь вырвать у

него свою руку и привести свои подт?кшие на пару секунд мозги в порядок.

Как мантру повторяю про себя: “Мне нужно держаться от его семьи и от него как можно дальше.“

– Что это вы тут делаете? – раздается весёлый голос Мишани, опережая поток едких слов, которые годами копились в моей голове и предназначались для Волкова.

Никита лениво поворачивает голову к своему другу и наконец отступает от меня на шаг, продолжая держать мой телефон в руке.

– Скройся, Чернов, – раздражённо говорит он другу.

– Я бы с радостью, но меня Мила отправила за тобой. Боюсь, если я вернусь один, начнёт плеваться ядом, как она это умеет, а я такое не переживу, – пожимает плечами Миша и широко улыбается мне. – Привет, Белоснежка. Какие планы на вечер?

– Никаких, – бормочу, протягивая руку ладонью вверх. – Отдай мой мобильный.

Смотрю на Волкова, который, плотно сжав губы, крутит между пальцами мой телефон. Он смотрит на меня в ответ. Я пытаюсь прожечь в нём дыру взглядом, а что пытается сделать он, понятия не имею. Смотрит и смотрит, не моргая!

– Запиши мой номер. Сейчас, – говорит Ник.

Диктует одиннадцать цифр, которые я ввожу в свой телефон, словно под гипнозом. В любой момент может написать бабушка и рассказать, как у них с Алиской дела, а мой телефон – словно магнит – постоянно притягивает к себе Волкова. Проще сделать, как он говорит. Всё равно, даже если он позвонит, я ни за что не возьму трубку. Мне звонить ему совсем незачем.

– А теперь сделай дозвон.

Зло смотрю на него. Выглядит расслабленным и совершенно невозмутимым. Словно не он зажал меня несколькими минутами ранее в холле, полном людей.

Вторгся в моё личное пространство, которое я тщательно оберегаю от разных придурков!

Делаю, как просит, поглядывая на ожидающих меня Надю и Катю.

– И мой заодно запиши, – закидывая руку на плечо друга, говорит Мишаня. – И пометь: мой будущий парень.

– И не мечтай, – бросаю через плечо, двигаясь в сторону подруг.

Чувствую, как между лопаток печёт. У меня есть несколько вариантов того, кто смотрит на меня в этот момент, и ни один из них мне не нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/manich_mariya/rebenok-ot-mazhora

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити